

Ю. Д. АПРЕСЯН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЕМАНТИКЕ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Том I

Парадигматика

Studia Philologica

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Ю. Д. Апресян

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СЕМАНТИКЕ
И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Том I

Парадигматика

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2009

ББК 81.2Р-4

А 86

Вошедшие в эту книгу исследования были поддержаны
грантом *Президента РФ* на поддержку ведущих научных школ № НШ-1576.2003.6,
грантами *РГНФ* №№ 03-04-00046а, 05-04-04190а, 04-04-00263а и 00-00-00000а,
грантами *РФФИ* №№ 05-06-80361, 08-06-00344
и грантом Программы фундаментальных исследований *ОИФН РАН*
«Русская культура в мировой истории», раздел 4.15.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 06-04-16018

Апресян Ю. Д.

А 86 Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. — М.:
Языки славянских культур, 2009. — 568 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0304-4

В книге собраны работы последних десяти лет по теоретической семантике и системной лексикографии, отчасти продолжающие традиционные для этих областей темы, отчасти посвященные относительно новым проблемам, возникшим в процессе написания «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка». Книга разбита на два тома, по две части в каждом. В первой части рассматриваются общие проблемы лексической семантики (принципы Московской семантической школы и понятийный аппарат системной лексикографии); во второй — семантическая парадигматика (в основном, лексическая синонимия и лексическая многозначность); в третьей — семантическая синтагматика (синтаксическое управление, лексико-семантическая сочетаемость и лексические функции, правила перифразирования, синтагматические правила взаимодействия значений); в четвертой — связи между словарем и грамматикой (взаимодействие лексики и грамматики, принципы организации центра и периферии в системах языка, лексикографическая трактовка грамматических категорий). Книга адресована специалистам в области общей лингвистики, русистики, семантики, синтаксиса и лексикографии, но ее могут читать и начинающие лингвисты, поскольку в ней популярно и с большим количеством общедоступных примеров излагается весь понятийный и терминологический аппарат, необходимый для усвоения материала.

Ключевые слова: семантика, системная лексикография, интегральное описание языка, лексическая синонимия, многозначность, управление, лексико-семантическая сочетаемость, перифразирование, семантические правила, взаимодействие словаря и грамматики.

ББК 81.2Р-4

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0304-4

© Ю. Д. Апресян, 2009

© Языки славянских культур, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Часть первая

Основания системной лексикографии

<i>Глава 1. Основные понятия системной лексикографии</i>	14
1.1. Семантический метаязык и аналитические толкования	14
1.1.1. Семантический метаязык	14
1.1.2. Аналитические толкования	18
1.2. Фундаментальная классификация предикатов	27
1.2.1. Стратегии описания	27
1.2.2. Регулярность и продуктивность, тенденции и правила	31
1.2.3. Принципы классификации	32
1.2.4. Основные классы	37
1.2.5. Некоторые семантически мотивированные свойства классов	44
1.3. Лексика как система	57
1.3.1. Лексика как классификационная система: связи и классы	58
1.3.2. Лексика как операционная система: семантические правила	60
1.3.3. Системообразующие смыслы ‘знать’ и ‘считать’ в русском языке	62
1.3.4. От истины до лжи по пространству языка	81
<i>Глава 2. Принцип интегральности лингвистических описаний</i>	101
2.1. Расширение лексикографической информации о свойствах лексемы	104
2.2. Включение правил в словарные статьи конкретных лексем	109
2.3. Об интегральности характеристики языковых объектов	111
2.4. Лексема и ее интегральное лексикографическое представление	114
2.4.1. Полное семантико-прагматическое представление лексемы	115
2.4.2. Другие свойства лексемы	118
2.4.3. Парадигматические семантические связи лексемы	121
2.4.4. Значение и употребление	123
2.5. Лексикографический тип	148
2.5.1. Понятие лексикографического типа	148
2.5.2. Принцип унификации	150
2.5.3. Принцип индивидуализации: лексикографический портрет	159
2.5.4. Параметрические существительные как лексикографический тип	161
2.5.5. Интерпретационные глаголы как лексикографический тип	176
2.6. Синтаксическая конструкция (<i>Мне работается</i>)	191

Часть вторая

Лексико-семантическая парадигматика

<i>Глава 1. Лексическая синонимия</i>	199
1.1. В какой мере можно формализовать понятие синонимии?.....	200
1.1.1. Вводные замечания.....	200
1.1.2. Основные трудности определения синонимии.....	213
1.2. О Новом объяснительном словаре синонимов.....	213
1.2.1. Принципы словаря.....	218
1.2.2. Типы информации и структура словарной статьи.....	218
1.3. Case studies.....	245
1.3.1. Любить ² и обожать.....	247
1.3.2. Восхищаться и восторгаться.....	257
1.3.3. Считать ² и его синонимы.....	265
1.3.4. Хотеть ¹ и его синонимы.....	284
1.3.5. Видеть ^{1.1} и его синонимы.....	297
1.3.6. Стыдиться и его синонимы.....	306
1.3.7. Наказывать ¹ и его синонимы.....	318
1.3.8. Заставлять ¹ и его синонимы.....	328
1.3.9. Приказывать ¹ и его синонимы.....	344
1.3.10. Выглядеть и его синонимы.....	363
1.3.11. Казаться ¹ и его синонимы.....	370
1.3.12. Ошибаться и его синонимы.....	383
1.3.13. Замереть ^{1.1} и его синонимы.....	394
<i>Глава 2. Лексическая многозначность</i>	409
2.1. Принципы системного описания многозначных слов.....	409
2.1.1. На чем держится семантическое единство многозначного слова?.....	409
2.1.2. Принципы разграничения лексем.....	432
2.1.3. Принципы упорядочения лексем.....	434
2.1.4. Блоки лексем и упорядочение блоков.....	438
2.2. Case studies.....	440
2.2.1. Многозначность глагола <i>быть</i>	441
2.2.2. Многозначность глагола <i>ходить</i>	462
2.2.3. Многозначность глагола <i>хотеть</i>	470
2.2.4. Многозначность глагола <i>видеть</i>	475
<i>Приложение. Понятийный аппарат системной лексикографии</i>	486
<i>Литература</i>	553

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сагу следует рассказывать так, как она происходила.
Реальность укладывается в любую теорию лишь
на тот лад, на какой живое тело подходит ко всякому
кресту, на котором оно распинается.

И. В. Гёте

И нет истины, где нет любви

А. С. Пушкин

Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам
начинает говорить за человека.

Б. Пастернак

Сочинение грамматики и словаря — да будет пер-
вым нашим упражнением.

Из речи Е. Р. Дашковой при открытии
Российской Академии

Безвозвратно канули в прошлое времена, когда можно было, без риска для своей научной репутации, утверждать, что «словарь — это придаток грамматики, список основных нерегулярных единиц» [Bloomfield 1933: 274], или «отходы лингвистического описания» (в такой полемически заостренной форме Г. Глисон суммирует взгляды американских дескриптивистов на словарное дело; см. [Gleason 1962: 87]). **Лексика давно стала едва ли не главным делом теоретиков семантики.** Однако разные теоретики и представители разных лингвистических школ преследуют совсем не одни и те же цели.

В рамках Московской семантической школы сверхзадачей лингвиста, занимающегося изучением лексики, является составление реального словаря, воплощающего как можно более полно какую-то общую теоретическую концепцию. В нашем случае это концепция интегрального описания языка и, следовательно, составление такого словаря, который способен эффективно взаимодействовать с правилами грамматики в самом широком смысле слова, т. е. с любыми правилами языка. Только такой словарь может быть конечным мерилем правильности лингвистической теории, предметом которой является лексика.

Эта мысль была для меня руководящей в моих собственных занятиях теоретической семантикой и лексикографией. Более точно, исследование лексики

представляется мне как многоступенчатый процесс с обратными связями на всех его стадиях: сначала на основе уже сложившихся в лингвистике теоретических представлений и изучения наличного лексикографического опыта складывается первая версия теории, на основе которой составляется первый словарь. Изучение этого словаря как систематизированного языкового материала служит для корректировки теории, вторая версия которой ложится в основу новой версии словаря, и т. д. Есть основания думать, что это — сходящийся процесс.

В предлагаемой читателю книге излагаются результаты исследований, выполненных, в основном, после 1995 г., т. е. после выхода в свет моего двухтомника (Избранные труды. Том I. **Лексическая семантика. Синонимические средства языка.** Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., Языки русской культуры, 1995). Все они прямо или косвенно связаны с работой над Новым объяснительным словарем синонимов русского языка (см. [Проспект 1995; НОСС 1997; НОСС 2000; НОСС 2003 и НОСС 2004]), продолжавшейся около 15 лет, и с недавно начатой тем же коллективом авторов работой над Активным словарем русского языка.

Большая часть помещаемых в книге материалов была опубликована в виде статей или частей монографий, написанных на протяжении последних 10—15 лет. Многие из них были напечатаны в разных, часто труднодоступных изданиях, что, конечно, мешает увидеть тематические связи между ними.

При включении уже опубликованных текстов в книгу я пытался свести дублирование к минимуму, а в ряде случаев вносил в них содержательную правку или рассматривал один и тот же материал с разных точек зрения. Существенного дублирования не удалось избежать в двух главах — о синонимии, где в виде case studies воспроизведены словарные статьи глаголов *считать* и *хотеть*, и о многозначности, где в том же статусе воспроизведена статья о глаголе *быть*. Эти статьи были ранее опубликованы в монографии [Апресян 1995а], однако без них в предлагаемой читателю книге образовалась бы существенная фактическая и теоретическая лакуна. По той же причине в книгу был включен (в другой компоновке и тоже в уточненном виде) мой раздел из коллективной монографии «Языковая картина мира и системная лексикография» (М., 2006). Впрочем, монография содержит немало совершенно новых материалов и анализов.

Она делится на два тома, по две части в каждом. В первой части рассматриваются общие проблемы лексической семантики. Вторая часть посвящена семантической парадигматике (лексической синонимии и многозначности), а третья — семантической синтагматике (управлению, сочетаемости и правилам взаимодействия значений). Четвертая часть посвящена проблемам взаимодействия словаря и грамматики.

Тематическое единство монографии подчеркивается многочисленными перекрестными ссылками. При ссылке на разделы внутри одной и той же части

указывается только номер раздела, а при ссылке на раздел в другой части книги указывается номер этой части (например, «см. раздел 1.4.2 во второй части»).

В первом томе в качестве Приложения помещен опубликованный в [НОСС 2004] и часто цитируемый справочный материал «Лингвистическая терминология словаря», который здесь называется «Понятийный аппарат системной лексикографии». Хотя он обращен к массовому читателю и поэтому изложен не только общедоступно, но и несколько упрощенно, он создает достаточно полное и системное представление о понятийном аппарате, используемом в этой книге и в нашей лексикографической работе.

Значительная часть публикуемых в монографии материалов, включая все тексты словарных статей, подверглась тщательному обсуждению на рабочих семинарах Сектора теоретической семантики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Всем участникам обсуждения — В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаевой, О. Ю. Богуславской, И. В. Галактионовой, М. Я. Гловинской, Б. Л. Иомдину, Т. В. Крыловой, И. Б. Левонтиной, А. В. Птенцовой, А. В. Санникову и Е. В. Урысон — автор выражает признательность за ценные критические замечания. Особая благодарность моей лингвистической семье — М. Я. Гловинской и В. Ю. Апресян, с которыми я обсуждал возникавшие у меня проблемы в урочное и неурочное время, неизменно получая от них тонкие и точные замечания.

Мне остается выразить благодарность Российскому гуманитарному научному фонду за поддержку исследований, вошедших в этот том, и за грант, которым было обеспечено его издание.

Часть первая

**ОСНОВАНИЯ
СИСТЕМНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ**

В первой части этой книги вводится теоретический аппарат системной лексикографии, важнейшими инструментами которого являются: (а) семантический метаязык, (б) аналитические толкования языковых единиц, (в) фундаментальная классификация предикатов как основа лексико-семантической системы языка, (г) системообразующие смыслы, (д) семантические правила, (е) принцип интегральности лингвистических описаний, (ж) интегральное лексикографическое представление лексемы, (з) лексикографический тип. Темы от (а) до (д) рассматриваются в первой главе, от (е) до (з) — во второй.

Как ясно из сказанного, центральному для системной лексикографии понятию лексемы будет посвящен особый раздел. Однако уже сейчас следует напомнить ее определение, потому что вокруг термина «лексема» возникло много абсолютно беспочвенных спекуляций, в основе которых — полное непонимание существа этого понятия.

Лексемой в Московской семантической школе называется слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений, но во всей совокупности присущих ему в этом значении свойств — семантических, прагматических, коммуникативно-просодических, сочетаемостных, синтаксических, морфологических, фонетических и других, — обращения к которым могут требовать соответствующие правила данного языка. Лексема, следовательно, — не просто отдельное лексическое значение слова (или лексико-семантический вариант слова или какая-то другая односторонняя сущность). Это многосторонняя единица языка, причем набор ее свойств определяется правилами («грамматикой» в самом широком смысле), на которые она реагирует.

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СИСТЕМНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

1.1. Семантический метаязык и аналитические толкования

1.1.1. Семантический метаязык

Этот вопрос здесь будет обсужден конспективно — исключительно для полноты и связности изложения, — поскольку он весьма детально рассматривался в [Апресян 1974, 1980, 1995а, 1995б].

Мы исходим из того, что значения всех содержательных единиц данного языка — лексических, морфологических, синтаксических и словообразовательных — должны быть описаны на одном и том же семантическом метаязыке (в дальнейшем, в соответствии с целями данной работы, мы рассматриваем преимущественно лексемы). Реально в качестве семантического метаязыка в большинстве современных работ используется не универсальный искусственный язык, а некий упрощенный и стандартизованный подязык описываемого естественного языка со своим словарем и грамматикой. В него отбираются относительно простые слова, грамматические формы слов и синтаксические конструкции в их основных значениях.

Ниже комментируется только словарь метаязыка. В него входят:

(а) Семантические примитивы, или неопределяемые понятия, — простейшие слова-смыслы, не представимые через какие-либо другие слова внутри данного языка. Таковы смыслы 'делать', 'воспринимать', 'хотеть', 'мочь', 'чувствовать', 'знать', 'считать', 'говорить', 'существовать', 'быть', 'находиться', 'предшествовать', 'я', 'отношение', 'объект', 'время', 'пространство', 'причина', 'условие', 'свойство', 'часть', 'число', 'количество', 'норма', 'ситуация', 'один', 'такой, что', 'хороший', 'больше', 'не' и ряд других. Они используются в толкованиях всех типов языковых единиц.

(б) Некоторые смыслы, более сложные, чем семантические примитивы, — так называемые промежуточные слова-смыслы, например, 'готов', 'должен', 'намерен', 'перемещаться', 'начаться', 'прекратиться', 'продолжаться', 'цель', 'момент' и ряд других. С помощью аналитических толкований они в

конечном счете сводятся к определенной структуре семантических примитивов. Ср. известные толкования *продолжаться* (в момент *t*) $\approx$ 'не прекратиться (в момент *t*)', *P прекратился* $\approx$ 'начался не *P*', *начался P* $\approx$ 'До момента *t* *P* не существовал, после *t* *P* существует'. Как видим, сложное значение 'продолжаться' почти полностью сведено к структуре, составленной из примитивов 'существовать' и 'не'. За пределами этого списка остался только смысл 'момент', который, впрочем, тоже легко сводится к примитивам. *Момент* = 'часть времени, такая, что меньшей части времени не существует', где *меньше* определяется через примитив 'больше': *A меньше B* = 'B больше A'.

Внутри этой категории слов выделяются два подкласса:

— промежуточные слова-смыслы, которые, подобно примитивам, входят в состав всех содержательных единиц языка — лексических, словообразовательных, синтаксических и морфологических. Таковы, например, смыслы 'начаться', 'прекратиться', 'продолжаться', 'цель'.

Первые три смысла используются при толковании многих лексем (*Вспыхнуло восстание* = 'началось', *Ветер улегся* = 'прекратился', *Запах масляной краски держится несколько дней* = 'продолжает ощущаться'); некоторых способов действия, т. е. словообразовательных типов глагола (начинательного типа *забегать*, финитивного типа *отобедавать*, длительно-дистрибутивного типа *похаживать*); ряда синтаксических конструкций (ср. инфинитив «внезапного приступа к действию» типа *A царица хохотать* и так называемые парные глаголы типа *A он стоит ухмыляется*, всегда обозначающие длящееся действие); и граммем русского вида как они толкуются, например, в [Гловинская 1982: 2001].

— промежуточные слова-смыслы, которые, в отличие от примитивов, входят только в состав лексических значений. Таково, например, слово-смысл 'требовать', входящее в состав толкований лексем *бастовать*, *вызывать* (в суд), *вымогать*, *забастовка*, *настаивать*, *повестка*, *призвать* (кого-л. к порядку), (строго) *спрашивать 4 с кого-л.*, *спрашивать 3* (что-л. у кого-л., например, *Спроси у него документы*), *ультиматум*, *шантаж* и т. п.

(в) Некоторые смыслы, более простые, чем семантические примитивы. Внутри этой категории тоже выделяются два подкласса:

— Пересекающиеся (общие) части значений семантического примитива и его ближайшего неточного синонима. Таковы, например, пары *считать* и *думать*, *хотеть* и *желать*. У *хотеть* и *желать* (равно как у *считать* и *думать*) есть и общее семантическое ядро, и определенная семантическая специфика; см. подробное описание семантических особенностей каждого элемента этих пар в написанных автором словарных статьях *хотеть 1* и *считать*² в [НОСС 2004].

— Пересекающиеся (общие) части значений некоторых семантических примитивов, которые не являются синонимами друг друга. Таковы, например, стативные глаголы *знать*, *считать*, *хотеть*, *чувствовать*, в значениях кото-

рых есть то общее, что все они являются названиями разного рода внутренних состояний человека.

И в том, и в другом случае общая часть значений таких лексем не может быть названа ни одним реально существующим словом русского языка; точнее, она принципиально не вербализуется никакими свободными лексемами «первого плана». В силу напрашивающейся аналогии с физикой такие невербализуемые значения, т. е. не существующие в свободном состоянии частицы смысла, в [Апресян 1994] были названы семантическими кварками.

Именами некоторых семантических кварков (в тех случаях, когда они нуждаются в именовании) являются лингвистические термины, например, 'стативность'. Стативность — это нетривиальный семантический признак; другие примеры таких признаков — фасадность для существительных, предельность для прилагательных (см. о них [Апресян 1974]), неконтролируемость для глаголов и ряд других. В связи с этим подчеркнем, что совокупность нетривиальных семантических признаков образует важнейшее подмножество множества семантических кварков, но, разумеется, далеко не исчерпывает последнее.

Слова первых двух групп, т. е. (а) и (б), должны — в идеале — удовлетворять требованию взаимно-однозначного соответствия имени и смысла. Иными словами, в метаязыке у них не должно быть синонимов и омонимов.

Идеалы, как известно, существуют для того, чтобы было к чему стремиться. Они стимулируют усилия в правильном направлении, хотя в практической работе недостижимы. Нельзя реализовать в полном объеме и сформулированное только что правило. Отступления от него вынуждаются свойствами естественного языка как метаязыка описания.

Один из типичных случаев такого рода — ситуация, когда грамматический или сочетаемостный контекст толкования исключает возможность использования стандартного имени нужного смысла. Например, если толкование формулируется в настоящем времени и если в нем по смыслу надо было бы употребить глагол-связку *быть*, которая в форме НАСТ обычно выражается нулем, *быть* заменяется одним из своих синонимов; ср. *Х боится Y-a* = 'X находится в таком эмоциональном состоянии, какое бывает, когда ...'. В этом толковании нарушены сразу оба условия: вместо полагающегося по смыслу *есть* использован его синоним *находится*, у которого в метаязыке есть «омоним» — тот же глагол, но в локативном значении.

Предполагается, что все такие отступления перечислимы и что в случае необходимости (например, если требуется формализовать семантические представления для конкретной компьютерной системы) они могут быть элиминированы. Этого можно достичь отчасти за счет фиктивных единиц языка-объекта, отчасти за счет искусственных слов-смыслов. Пример первого — метаслово 'лицо', используемое в НОССе и в лингвистическом процессоре ЭТАП (см. [Апресян и др. 1992]) как обобщенное название отдельного человека,

группы людей, учреждения и т. п.; пример второго — метаслово ‘каузировать’, используемое в словаре [Мельчук, Жолковский 1984] в обобщенном значении ‘быть причиной или делать что-то, что является причиной’¹. Цена того и другого — некоторые потери в приемлемости языка толкований для носителей языка.

Все три группы слов семантического метаязыка обладают двумя важными свойствами. Первое из них было уже упомянуто: они входят в состав значений многих языковых единиц разной природы — лексических, морфологических, словообразовательных, синтаксических и других (многообразие обличей). Так, смысл ‘причина’ является компонентом толкований существительных *причина* и *следствие*; глаголов *вызывать* (что-л.), *приводить* (к чему-л.) и *проистекать* (из-за чего-л.); прилагательных *возмутительный*, *интересный* и *любопытный* (о факте); наречий *поэтому* и *оттого(-то)*; союзов *потому что* и *поскольку*; предлогов *из-за* и *за* (неимением, недостатком); (устаревшим) творительным причины (ср. *Государь скончался апоплексическим ударом; Кончаю! Страшно перечесть... / Стыдом и страхом замираю; Ошибкою добро о ком-нибудь сказали?*); словообразовательным элементом *-творн-* в составе прилагательных *снотворный*, *кроветворный*, *болезнетворный*; препозитивным деепричастным оборотом с деепричастием стативного глагола (*Зная <видя, понимая, считая>, что переубедить его невозможно, я прекратил спор*); вводной синтаксической конструкцией типа «к + существительное со значением эмоционального состояния + субъект состояния» (*К восторгу миллионов, Дима Билан побеждает на «Евровидении»*) ≈ ‘Миллионы пришли в восторг, и причиной этого было то, что Дима Билан победил на «Евровидении»’); и рядом других².

¹ Отметим две общие черты этих и других подобных конструкторов. Во-первых, искусственное слово-смысл закрывает некую лауну в лексике данного языка. У меня уже был случай писать о «дырчатости» семантического пространства естественного языка (см. [Апресян 1999б: 648—649; 2001а]), при том, что на других участках оно может быть непрерывно, и одно из проявлений этого свойства — отсутствие в его лексике некоторых важных родовых понятий. Во-вторых, закрывает такую лауну метаслово, которое толкуется через дизъюнкцию имеющихся в языке-объекте слов-смыслов (ср. союз ‘или’ в приведенных выше толкованиях).

² Само собою разумеется, что количество примеров в каждой из перечисленных рубрик легко было бы умножить, в некоторых случаях (особенно для существительных и глаголов) — на порядки. Ср., например, следующие глаголы, имеющие собственно причинное значение в употреблении, где их первый актанта не является агенсом: *ввергать* (кого-л. в депрессию), *вводить* (кого-л. в заблуждение), *внушать* (кому-л. ужас), *вселять* (в кого-л. веру), *вынуждать* (кого-л. к признанию), *вызывать* (аварию), *доводить* (кого-л. до белой горячки), *оставить* (сильное впечатление), *повергать* (кого-л. в отчаяние), *порождать* (конфликт), *привлекать* (чье-л. внимание), *приводить* (кого-л. в бешенство), *приводить к* (конфликту), *придавать* (уверенность кому-л.), *приносить*

Во-вторых, при некоторых условиях (главное из них — нахождение в вершине ассертивной части толкования) перечисленные слова-смыслы активны в правилах взаимодействия значений в тексте, причем во многих правилах они проявляют себя единообразно, независимо от того, в состав какого значения входят (единообразие проявлений). В частности, глаголы с чисто причинным значением не могут подчинять обстоятельства цели; ср. неправильность **Повышение цен вызвало кризис, чтобы окончательно разрушить экономику страны*. Напротив, наличие смысла ‘делать’ в вершине толкования обуславливает способность соответствующей лексики управлять дополнением или обстоятельством со значением цели (*Он сделал это, чтобы помочь тебе*). Кроме того, такие глаголы способны употребляться в повелительном наклонении: *Сделай милость, помолчи*. Заметим, что глаголы состояния (стативные) ни тем, ни другим свойством не обладают; ср. невозможность **Он знает древние языки, чтобы заняться дешифровкой*, **Знай древние языки* (надо: *Он изучает древние языки, чтобы заняться дешифровкой, Изучай древние языки*).

По обеим указанным причинам все три группы смыслов метаязыка можно назвать системообразующими³.

1.1.2. Аналитические толкования

На описанном семантическом метаязыке строятся аналитические толкования всех содержательных единиц языка. От обычных словарных толкований они отличаются следующим набором свойств (опять-таки в идеале — с поправками на лакуны в лексико-семантическом пространстве языка):

а) Они представляют собой многослойные структуры, в которых в общем случае выделяется до пяти слоев смысла (ассерции, пресуппозиции, модальные рамки, рамки наблюдения, мотивировки).

б) Они должны в явном виде (чаще всего в виде буквально совпадающих смысловых компонентов или конфигураций компонентов, см., однако, раздел 2.1.1.2 во второй части) отражать все семантические сходства данной лексики с другими единицами языка (синонимами, аналогами, конверсивами, антонимами, дериватами и т. п.), включая другие лексемы данного слова в случае его

(покой), причинять (смерть), провоцировать (конфликт), производить (сильное впечатление на кого-л.), сеять (панику), создавать (опасность) и др. См. также выполненное И. Б. Левонтиной описание некоторых причинных предлогов в [НОСС 2004].

³ Наивно было бы думать, что этот метаязык можно предложить в совершенно законченном виде с самого начала. Речь может идти лишь о принципах, которым должна следовать его разработка. Сам же метаязык создается в ходе составления конкретных словарных статей и может быть извлечен из текстов толкований только в результате их тщательного анализа после завершения работы над словарем, скорее всего, в результате нескольких итераций. См. похожие мысли в [Mel’čuk 1989].

многозначности. Аналогичным образом все различные смысловые компоненты толкований должны отражать реальные семантические отличия данной лексемы от близких ей единиц языка, включая, разумеется, другие лексемы данного слова.

в) Аналитические толкования должны в явном виде содержать те смысловые компоненты, которые активируются в правилах семантического взаимодействия данной лексемы с другими единицами языка в тексте.

г) Они должны отвечать условиям полноты и избыточности. Впрочем, последнее требование предъявляется исключительно к толкованиям предикатов. Толкования предметных имен могут быть и дифференциальными; см. раздел 1.2.1.

Аналитические толкования предикатных слов строятся следующим образом: входом толкования является так называемая сентенциальная форма — схема предложения или словосочетания с толкуемой единицей в центральной синтаксической позиции и переменными по всем ее семантическим актантам, или, что почти то же самое, по именам всех обязательных участников обозначаемой ею ситуации. Само толкование в общем случае имеет вид словосочетания, предложения или нескольких предложений на семантическом метаязыке, описывающих свойства, состояния и действия участников ситуации, возможные отношения между ними, мотивировки их действий, а также общий фонд знаний говорящего и адресата по поводу этой ситуации (пресуппозиции), ментальные позиции говорящего или (реже) адресата относительно ситуации или ее участников (модальные рамки) и физическую позицию наблюдателя относительно участников ситуации.

Переменные в составе толкования требуют отдельного пояснения. Рассмотрим их роль на примере толкования лексемы *описывать* 1б⁴ из [Мельчук, Жолковский 1984] (авторы словарной статьи — Ю. Д. Апресян, И. А. Мельчук), представленной в словосочетаниях типа *В своей новой статье автор описывает этот процесс алгоритмически* <в виде алгоритма>, *Механика описывает движение дифференциальными уравнениями* <посредством дифференциальных уравнений>.

⁴ Так — цифрой с литерой — различаются имена разных, но близких друг к другу лексем многозначного слова в ТКСе. В данной книге, как и в наших лексикографических работах, лексемы многозначного слова различаются с помощью чисто цифровых индексов — линейных, если значений у слова не слишком много, и позиционных (иерархических) у сильно многозначных слов, например, *идти* 1.1 (*по тропке*), *идти* 1.2 (*Рота шла на рысях*), ..., *идти* 2.1 (*Поезд шел по расписанию*), *идти* 2.2 (*По небу шли грозовые тучи*) и т. п. При этом первая цифра позиционного индекса обозначает номер «блока» близких значений, а вторая — номер значения внутри такого блока. В ряде случаев, подробно обсуждаемых ниже, вводятся сверхкрупные блоки, обозначаемые римскими цифрами.

Упростим первый пример и введем переменные для обозначения семантически обязательных участников ситуации «научного описания»: *В статье* [W] *автор* [X] *описывает процесс* [Y] *алгоритмически* [Z]. Полезно сразу же обратить внимание на факт обязательности участников **W** и **Z**: **дать научное описание** объекта вне текста **W** невозможно, а само описание не может быть ничем иным, как образом **Z** объекта **Y**, отдельным от самого этого объекта.

Аналитическое толкование глагола *описывать* *1б*: *X описывает Y в W Z-ом* = 'X каузирует посредством текста **W** достаточно подробный научный образ **Y**-а в виде абстрактной конструкции **Z** или уподобляя **Y** явлению **Z**' [оставляем без комментариев некоторые особенности толкований 70-х гг.].

Переменные в составе толкования нужны не только для обозначения обязательных участников действия *описывать 1б*. Они выполняют еще несколько важных функций. С их помощью (или, точнее, с их участием) описываются четыре типа формальных соответствий: а) соответствие между толкованием лексемы и ее моделью управления; б) соответствие между семантическими и глубинно-синтаксическими актантами лексемы, которые обозначаются цифрами 1, 2, ..., n; в) соответствие между семантическими актантами лексемы и внешними (падежными и иными) способами выражения каждого из них; г) соответствие между различными диатезами одной и той же лексемы в случае, если она допускает мену диатезы.

Для описания всех этих соответствий в классическом варианте модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» использовался достаточно сложный способ табличного представления, который для лексемы *описывать 1б* выглядит следующим образом:

1 = X [кто/что каузирует образ]	2 = Y [образ чего каузируется]	3 = W [в каком тексте каузируется]	4 = Z [в виде чего каузируется]
1. S _{им}	1. S _{вин} 2. C _{соп} ПРЕДЛ	1. в S _{пр}	1. S _{твор} 2. в виде <в форме, в терминах, ...> S _{род} 3. Adv 4. как S _{вин}

Как легко видеть, первые два типа соответствий задаются в первой строке этой таблицы, третье — во второй строке, а для четвертого (мена диатезы) лексема *описывать 1б* не дает материала. Если бы нетривиальная мена диатезы была возможна, вторая диатеза была бы задана своей моделью управления в виде еще одной таблицы, с указанием условий перехода от одной модели к другой.

В данной работе при описании многоактантных предикатов наряду с традиционными для модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» переменными вида **X**, **Y**, **Z** мы бу-

дем иногда пользоваться переменными вида $A_1, A_2, \dots, A_i$ (где A = «актант»). В ряде случаев такие обозначения предпочтительнее по двум техническим причинам. Во-первых, они позволяют обойтись без отдельных цифровых обозначений глубинно-синтаксических актантов. Во-вторых, они позволяют отказаться от неудобного для практической лексикографии табличного способа записи моделей управления в пользу более привычной построчной записи.

Толкование ориентировано на прототипические употребления лексемы, т. е. употребления в немаркированной грамматической форме, в основном варианте модели управления, в нейтральном синтаксическом контексте и в самых характерных для нее сочетаемостных условиях. Возможные семантические модификации этого прототипического (словарного) толкования, происходящие в некоторых грамматических формах, в некоторых вариантах модели управления, в некоторых синтаксических типах предложений (например, отрицательных), в некоторых сочетаемостных условиях (например, в модальном или оценочном контексте), при отходе от нейтральной прагматики и, может быть, под влиянием каких-то других факторов, обслуживаются специальными семантическими правилами, или правилами взаимодействия значений. Словарное толкование само по себе не может охватывать все употребления данной лексемы в данном значении.

В качестве примера мы рассмотрим толкования некоторых речевых актов, многие из которых были предметом специальных исследований⁵, в их прототипических значениях и употреблениях. Однако сначала обсудим одно соображение более общего характера.

В работе [Гловинская 1993] в толкования некоторых речевых актов были введены никогда раньше в них не включавшиеся компоненты следующего вида: 'X (субъект речевого акта) говорит это так, что Y (адресат речевого акта) понимает, что X — Q'; 'X говорит это так, чтобы Y понимал, что Q'. Примеры (из толкований выписываются только нужные для дальнейших рассуждений фрагменты): *X ругает Y-а за P* = '... (а) X говорит Y-у, что P, которое он сделал, — плохое, и что он не должен делать таких вещей; (б) X говорит это так, что Y понимает, что X недоволен' (цит. соч., с. 198); *X упрекает Y-а за P* = '... (а) X говорит Y-у, что он не должен был делать P; (б) X говорит это так, что Y понимает, что X огорчен' (там же); *X приказывает Y-у P* = '... (а) X говорит, чтобы Y сделал P; (б) X говорит это так, чтобы Y понимал, что он должен сделать P' (цит. соч., с. 191).

Правда, логическая природа компонентов (б) в работе 1993 года еще не была прояснена, а толкования некоторых похожих глаголов (например, *просить* и *требовать*) их вообще не содержали. В работе [Гловинская 2005: 201]

⁵ См., например, работы [Иорданская 1985; Wierzbicka 1987a; Гловинская 1993; Булыгина, Шмелев 1997], с дальнейшей библиографией в каждой из них. Лексикографически многие речевые акты описаны в НОССе.

такие компоненты были введены в толкования более широкого круга актов речи (в частности, глаголов *просить* и *требовать*) и получили теоретический статус: они были признаны частью ассерции.

Само по себе это новшество ценно, потому что ухватывает трудно уловимую, но исключительно важную семантическую особенность некоторых актов речи; его непременно следует удержать, хотя, может быть, в слегка модифицированном виде.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что ассертивную природу компонента (б) нельзя продемонстрировать обычными средствами, т. е. проверкой на отрицание или оператор общего вопроса. В узуальных высказываниях типа *Они никогда не ругали детей* отрицается скорее всего компонент (а). В актуально-длительных высказываниях типа *Он что, ругает его?* оператор вопроса затрагиваются, возможно, оба компонента. Наконец, в противопоставительных высказываниях типа *Она не ругала, а лишь слегка пожурела меня* отрицается действительно только компонент (б), но и это не является доказательством его ассертивной природы. Как показано в [Богуславский 1985: 62—83], противопоставительное отрицание обладает совсем другим набором свойств, чем нейтральное. В частности, в нашем примере безусловно ассертивный компонент (а) = ‘**Х говорит Y-у, что P, которое он сделал, — плохое**’ в область действия отрицания как раз не попадает.

Теперь рассмотрим внимательнее к формулировкам ‘Х говорит это так, что Y понимает, что Q’ и ‘Х говорит это так, чтобы Y понимал, что Q’. Они устроены очень по-разному. Первая описывает факт: **Y понимает, что Q**. Вторая описывает цель X-а: он хочет, чтобы Y понимал, что Q. По-видимому, их надо унифицировать, тем более, что цель входит скорее в состав мотивировки, чем в состав ассерции.

Кроме того, первая формулировка является чересчур сильной: ни из чего не следует, что Y, **выслушивая X-а, всегда понимает по форме его высказывания**, недоволен X (*ругает*) или огорчен (*упрекает*). Скорее речь идет всего лишь о возможности это понять.

Рассуждая о природе компонента ‘Х говорит это так...’, нельзя не учитывать еще одного обстоятельства: он указывает на воспринимаемую внешнюю форму, на способ экстерииоризации речевого акта⁶. Одни речевые акты произ-

⁶ Для глаголов речи вообще характерно указание на внешне воспринимаемый способ совершения действия, на его физические характеристики, в том числе и тогда, когда глагол не обозначает речевого акта в собственном смысле слова. Достаточно назвать такие глаголы, как *басить, барабанить, блеять* (здесь и далее — только о человеке), *бормотать, брюзжать, бурчать, визжать, ворчать, гавкать, греметь, гудеть, лаять, лепетать, лопотать, мекать, мурлыкать, мычать, мямлить, огрызаться, пищать, реветь, рокотать, рычать, скрипеть, скулить, стрекотать, тараторить, трезвонить, трещать, тявкать, чирикать, шипеть, щебетать*, чтобы понять, какое

носятся форсированным голосом (например, *требовать*), другие — более мягко (например, *просить*); одни сопровождаются жестикულიцией (*умолять*, *клясться*), другие — нет; одни предполагают использование специальных языковых средств (например, слова *пожалуйста*), другие обходятся без них. Все эти «специальные эффекты» описаны в упомянутых выше теоретических работах М. Я. Гловинской и — более подробно — в составленных ею же словарных статьях НОССа.

Но коль скоро действие экстерниоризовано, оно становится доступным для восприятия любого наблюдателя.

С учетом всех этих обстоятельств компонент (б) приобретает следующий вид: **‘Х говорит это так, что можно понять, что Q’**. Такой компонент и включается в состав толкований тех речевых актов, для которых он признается необходимым⁷.

Что касается его природы (ассерция?, рамка наблюдения?, что-то третье?), то по этому поводу мы вынуждены будем довольствоваться нулевым решением до тех пор, пока не будет собран и проанализирован более представительный материал.

В основу толкований *просить* и *требовать* положены формулировки, данные в [Апресян 1974: 109]; толкования *жаловаться*, *сетовать*, *ругать*, *критиковать*, *советовать*, *рекомендовать*, *спрашивать I* построены на основе описаний, принадлежащих М. Я. Гловинской и автору (см. соответствующие словарные статьи в НОССе). Остальные толкования были в разное время и в разных работах сформулированы автором; все толкования так или иначе уточнены.

Х просит Y-а сделать Р [Он попросил меня купить ему билет на последний рейс] = ‘(а) Человек X хочет, чтобы было Р, и считает, что человек Y может сделать Р, и не считает, что Y должен делать Р [пресуппозиции]; (б) X говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y сделал Р [ассерция]; (в) он говорит это так, что мож-

значение язык придает этому параметру речи. Справедливо и более общее утверждение: экстерниоризация, указание на наблюдаемость данного действия или состояния — один из важнейших системообразующих смыслов, лежащий в основе многих семантических оппозиций в лексике и грамматике. Ср. следующие синонимические пары: *симулировать* — *прикидываться*, *пробовать* — *силиться*, *радоваться* — *ликовать*. Правые элементы всех этих пар предполагают возможность непосредственного наблюдения действия или состояния в гораздо большей степени, чем левые. Ср. также потенциальные значения грамем НЕСОВ и СОВ: *Он поднимает 500 килограмм* (скорее всего, мне эта его способность стала известна из каких-то посторонних источников — сам я мог вообще ни разу его не видеть) — *Он поднимет 500 килограмм* (скорее всего, я сделал это заключение, оценив его возможности в результате непосредственного восприятия его физических статей).

⁷ Я благодарен М. Я. Гловинской за кооперативное обсуждение всех деталей этого решения.

но понять, что X не считает его обязанным делать Р'; (г) X говорит это, потому что хочет, чтобы было Р [мотивировка]'.

X требует от Y-а, чтобы Y сделал Р [Не требуйте от меня невозможно-го] = '(а) Человек X хочет, чтобы человек Y сделал Р, и считает, что Y должен сделать Р [пресуппозиция]; (б) X говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y сделал Р [ассерция]; (в) он говорит это так, что можно понять, что X считает его обязанным делать Р; (г) X говорит это, потому что считает, что Y должен сделать Р [мотивировка]'.

X приказывает Y-у сделать Р [Генерал приказал начать отступление] = '(а) Человек X считает, что человек Y должен сделать Р; (б) X имеет право или власть наказать Y за неподчинение [пресуппозиция]; (в) X говорит Y-у о своем решении, что Y должен сделать Р [ассерция]; (г) X говорит это, потому что считает нужным, чтобы было Р [мотивировка]'.

X советует Y-у сделать Р [Он не знал, что мне посоветовать] = '(а) Человек X считает, что человека Y может интересовать мнение X-а о том, что Y-у лучше всего сделать в данной ситуации [пресуппозиция]; (б) X говорит, что по его мнению лучше всего для Y-а сделать Р [ассерция]; (в) X говорит это потому, что хочет Y-у хорошего' [мотивировка].

X рекомендует Y-у сделать Р [Врач настоятельно рекомендовал ему бросить пить] = '(а) Человек X считает, что человека Y должно интересовать, что X знает о ситуациях типа Р и что Y-у надо делать в данной ситуации [пресуппозиция]; (б) X говорит, что он знает, что в данной ситуации Y-у надо делать Р [ассерция]; (в) X говорит это потому, что хочет, чтобы Y поступил правильно' [мотивировка].

X спрашивает 1 Y-а, Р [здесь Р — косвенный вопрос, вводимый словами *кто, где, когда* и т. п., например, *Он спросил меня, когда я иду в отпуск*] = '(а) Человек X хочет знать Р и считает, что человек Y знает Р [пресуппозиция]; (б) X просит Y-а, чтобы Y сказал ему Р [ассерция]; (в) X просит об этом потому, что хочет знать Р [мотивировка]'.

X спрашивает 2 Z (у Y-а) [В рецепции спросишь администратора] = 'Человек X просит человека Y позвать человека Z или сделать так, чтобы X мог войти в контакт с Z-ом'.

X спрашивает 3 Z у Y-а [Спрашивай у него документы, а то уйдет (М. Булгаков)] = 'Человек X требует от человека Y, чтобы тот дал или показал ему Z'.

X жалуется Y-у на Р [Он жаловался мне, что очень одинок] = '(а) Человек X испытывает неприятное чувство, вызванное плохим для него событием или обстоятельством Р [пресуппозиция]; (б) X говорит человеку Y, что Р [ассерция]; (в) X говорит это так, что можно понять, что X-у плохо; (г) X говорит это, чтобы побудить Y-а исправить положение, найти у него понимание или сочувствие, или дать выход своему чувству' [мотивировка].